

18+
Анна Акифьева

Судьбы несчастных людей

Анна Акифьева

Судьбы несчастных людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50174778

ISBN 9785449811011

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Анна – молодая и красивая художница из Лондона. У нее есть всё в жизни: привлекательная внешность, дорогой дом в Лондоне, приличное состояние и громкая фамилия. Только нет любви матери, друзей и любимой няни, которая несколько лет назад покинула их дом. От грусти и одиночества она идет на встречу с незнакомым человеком, который ищет собеседника ради одной цели – открыть свою тайну, которая долгие годы пожирает его изнутри.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Судьбы несчастных людей

Анна Акифьева

Фотограф Олеся Парыгина

Модель Вера Логинова

Корректор Марина Тюлькина

© Анна Акифьева, 2020

© Олеся Парыгина, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-1101-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Потери и обретения

Глава 1

Уже полдень, я до сих пор лежу в постели, хотя давно уже проснулась. Вернувшись домой спустя пять лет, я так и не нашла тут ничего: ни материнской любви, ни понимания. Но сейчас все мои мысли занимала Джейн, где она, как могла пропасть и не оставить мне ничего, ни адреса, ни хотя бы прощального письма. Теперь в этом огромном богатом доме я терялась, он не принимал меня, да и теперь мне не хотелось стараться ужиться в нем. Порой мы вынуждены находиться там, где не должны быть, там, где не живет наша душа, как птица в клетке, хоть и в золотой.

В дверь тихонько постучали, на пороге появилась обеспокоенная Мэри.

– Эни, пора подниматься, ты ведь знаешь, что твоя мама... – начала она.

– Да, будет очень недовольна, – закончила я.

Она осторожно присела на край постели. Мэри работала у нас уже больше 20-ти лет. Я была совсем маленькой, когда

на пороге нашего дома появилась она, совсем молодая, пугливая. Она пыталась скрыть от меня лицо, боялась напугать.

Помню, как Джейн что-то долго шептала ей на ухо, потом развернула и сказала: «Ну же, познакомься с Эни». Я помню ее лицо, обезображенное с одной стороны, но я не испугалась. «Здравствуйте, как Ваше имя?» – спросила я. Помню гордый взгляд отца за спиной. Мы жили богато, отец продолжал вести дело деда, которое приносило приличные суммы, но он не хотел, чтобы я была избалованным, капризным ребенком. Он учил меня уважать и любить любого человека, кем бы он ни был и сколько бы ни зарабатывал. «Мэри немного не такая, как все», – сказала мне Джейн, только позже я поняла, что в ней не так. Я росла, развивалась, менялась, а Мэри нет. Она была родом из бедной семьи, в которой неполноценный ребенок только обуза, так она и оказалась в интернате, в числе таких же брошенных, как и она. В 18 лет ее выставили и оттуда. Без денег, без родных, покинутую и растерянную – вот такую мой отец ее обнаружил. С тех пор она у нас и работала. Хотя мать всегда ворчала на отца за его безмерную доброту.

Сейчас она сидела на краю постели, так же, как всегда, предоставляя мне только правую сторону лица.

«Папа, что случилось с Мэри?» – спрашивала я его.

«Может, когда-нибудь она сможет рассказать об этом, но мы ведь сможем сделать вид, будто с ней все в порядке, да?» – ответил он.

Порой с людьми случаются такие вещи, о которых спрашивать не стоит, возможно, когда-нибудь они сами смогут рассказать о них. Но Мэри за все 20 лет проведенных с нами так и не рассказала нам об этом страшном ожоге на ее лице. Маленькая я думала, что мы настолько хорошо скрывали это, что она поверила нам. Пока однажды я не застала ее перед зеркалом. Она стояла неподвижно, не сводя глаз от своего отражения. А потом резко отпрянула от него и, развернувшись, быстрым шагом удалилась. Больше я никогда не видела, чтобы Мэри смотрелась в зеркало, она избегала своего отражения, будто хотела забыть свое лицо.

– Ты скучаешь по нему? – спросила я.

– Он самый хороший человек, которого я когда-либо знала, – лишь ответила она, сразу догадавшись, о ком я говорила.

Отец умер, когда мне было 15 лет, оставив нам большое наследство. Беатриса – так он часто называл ее: безупречная внешность, репутация, друзья. Она напрочь отказывалась воспринимать новое время, порой мне казалось, что она

до сих пор находится в прошлом веке. Ее семья – Аддерли – были всегда богаты и знамениты в Великобритании. Мужья имели крупные промышленные дела либо находились в правительстве, а женщины вели светские беседы, тратили состояния мужей, следили за внешностью. Их дочери выходили замуж только за состоятельных и влиятельных мужчин. Так и совпало, что моя мать, Эллен Аддерли, вышла замуж за Джона Келли. Кто для нее был тогда мой отец, я до сих пор не знаю: прекрасным вариантом, или она все же любила его. Знаю только, что отец был без ума от нее.

– Мэри, ты сделаешь мне кофе? – попросила я. – И передай матери, я позавтракаю в комнате, неважно чувствую себя. Хорошо?

Она минуту колебалась.

– Эни, зачем ты ее расстраиваешь? – озабоченно спросила она.

Мне хотелось ответить ей так, как было на самом деле. «Мэри, черт возьми, сейчас 21-й век, мне 25 лет, я могу делать все, как я захочу, быть с тем, с кем я хочу, спать, жить, дружить. А ко мне присылают тебя, чтобы спустить меня вниз, где мама отругает меня за то, что я долго сплю. Но, вздохнув, я ответила:

– Потому что со мной действительно сегодня что-то не так. Хорошо? Сделаешь мне кофе, а?

– Ох, я не настолько глупа, чтобы не понимать, что ты ее избегаешь, почему ты не можешь просто поговорить с ней?

– Потому что это слишком сложно. Мэри, прошу, хватит вопросов, – бросила я.

Она, не сказав ни слова, тихо вышла из комнаты. А я через мгновение уже жалела, что так резко разговаривала с ней.

Я нехотя встала и отправилась в ванную. Я рассматривала себя, помятое лицо, потерянный взгляд. Снова мысли о Джейн. «Черт, как она могла, вот так просто, взять и бросить меня, моя няня, моя поддержка, мой самый родной человек». В голове крутился тот разговор матери.

«Анна, Джейн решила уйти, забрала все свои накопления и уехала, не оставив адреса». Я молчала, отказываясь верить в это. Она не могла, она бы связалась со мной, оставила бы адрес, но просто так уехать, нет, только не Джейн. Я ждала ее писем последние два года в Италии, но, вернувшись, убедилась, что ее тут нет.

– Я заплатила за ее труды достойно, – холодно сказала мать.

Я услышала, как дверь отворилась и захлопнулась через несколько минут. На столе стоял поднос с чашечкой кофе, газета и записка матери. «Прочти газету, ты должна быть в курсе всех событий». Комната быстро наполнилась бодрящим ароматом, я любила кофе, он всегда помогал мне прийти в себя, отвлечься от всего дурного. Я сделала несколько глотков, закрыла глаза и глубоко вздохнула. Газета лежала рядом, но я даже не собиралась листать ее. Поэтому откинула ее подальше от себя, но вдруг на обратной стороне меня

привлекло объявление: «Ищу собеседника, оплата достойная». Я недоумевала, что это? Шутка такая? Я снова откинула газету от себя. Снова стук в дверь: Мэри, пора обеда.

Мама недовольно окинула меня взглядом.

– Могла бы хоть привести себя в порядок, – сказала она.

Я молча села, мне не хотелось отвечать ей, но она продолжила.

– Анна, что ты думаешь о своей жизни?

– Думаю. Ищу работу, – коротко ответила я.

Она нахмурилась.

– Для чего я столько заплатила за твое образование, чтобы ты работала? Интересно где, на улице, художником?

– Во-первых, не ты, а отец. Во-вторых, учатся для того, чтобы потом работать, а не хвастаться дипломом перед гостями или, тем более, выгодным мужем.

Не поднимая глаз на нее, я могла представить, насколько она сейчас зла. Но она молчала.

«Ищу собеседника. Оплата достойная» – я вновь держала в руках газету. Какая-то необъяснимая сила тянула меня туда, мне нужно было туда пойти, хотя разум и твердил обратное.

Глава 2

Дом по тому адресу находился в том же районе, что и мой. Я шла не спеша. Лондонские дома, серый и мрачный город, даже ранняя весна не воодушевляла его. Меня одолевали сомнения. Хотя в последнее время я и так не находила себе покоя. Встречая на пути людей, я размышляла: «Зачем мы все здесь и для чего? Что стоит моя и их жизни? Даже жизни тех великих людей, которые открывали, создавали, изобретали – это огромная польза для человечества, но есть ли в этом польза для чего-то большего? Выше, глубже». Я читала множество произведений английской, американской и русской литературы, я чувствовала всю печаль, беспомощность авторов перед людьми, Богом, государством. Неужели разумный человек должен быть глубоко несчастен, замкнут в своих мыслях? А я, словно ребенок, ничего не понимая, хотела дергать всех взрослых за рукав и спрашивать «почему?», «зачем?», «для чего?». Кто мы, и что такое жизнь – испытание на прочность? Есть ли в ней что-то высокое? Все твердят: найди свой путь, семья, дети, сотвори что-то, просто живи. Иными словами, смысл жизни – это быть занятым чем-то? У меня не укладывалось это в голове, я не могла сопоставить смысл с занятием. Я хотела большего: понять глубину, докопаться до сути. Я слишком запуталась, я не знала ответа, я не видела чудес. Человечество дошло до определен-

ной точки, все открыто, все доступно, все продается и покупается. Единственное, что мы пока так и не смогли обмануть смерть. Я видела два пути развития: либо шагать вперед, доведя человечество до полного технологического безумия, либо назад, до полной деградации и абсурда.

А сейчас я иду на встречу к кому? Зачем я это делаю? Неужели мне настолько одиноко, что я готова бежать к каждому, кто хочет просто поговорить.

Я пыталась представить своего собеседника. Возможно, старик, в прошлом писатель или преподаватель, с интересной жизнью. Может, он настолько надоел своим детям или внукам, что они давно его не слышат. Скорее всего да, старик, в мире скоростного интернета, социальных сетей и различных сайтов знакомств он подает объявление в газету!

Я тихонько рассмеялась. А мама до сих пор любит газеты.

Наконец я дошла до нужного адреса. Передо мной стоял большой, старый, богатый дом, который сильно выделялся на фоне соседних домов. Я еще раз сверила адрес, да, это был тот дом. Дверь мне открыл пожилой мужчина, в строгом костюме, идеальная стрижка, начищенная обувь.

– Чем я могу быть Вам полезен? – спросил он.

– Добрый день. Меня зовут Анна Келли. Я по объявлению, – и я неуверенно протянула ему клочок газеты.

– Проходите, пожалуйста, сюда.

Старик провел меня в гостиную.

Он не спеша удалился, оставив меня в одиночестве. Я

рассматривала дом, но уже изнутри. Дорогая мебель, сделана явно на заказ, стояла будто в музее, не тронутая никем, какие-то античные вазы, картины. Я не ощущала здесь души, будто кто-то создал это для красоты, а не для удобства. Огромный дом: я видела по коридору множество дверей. Сколько же прислуги здесь должно быть, чтобы сохранять такую чистоту? – размышляла я. – Зачем вообще людям такие огромные дома, особенно если их всего несколько человек? Отдаляться еще дальше друг от друга, скрываться от нелюбимых, помещая свое одиночество во все эти комнаты?

– Анна, – я услышала голос позади.

Обернувшись, я увидела красивого мужчину лет сорока. Он был чуть выше среднего роста, хорошо сложен, его черные волосы с редкой сединой были небрежно уложены назад, щетине явно больше недели, но это только украшало его. Одет он был просто, в джинсы и серый джемпер. Он сел напротив, внимательно рассматривая меня своими голубыми глазами, которые казались немного темнее из-за длинных черных ресниц. Слегка приоткрыв рот, от удивления или недодуманной фразы, он замер на секунду. Но, отведя взгляд, поспешно протянул мне руку.

– Позвольте, я провожу вас в свой кабинет? – сказал он.

Что-то его удивило в моей внешности, что-то на секунду заставило его замереть, выбило из колеи. Но что, я так и не смогла понять.

Я шла за ним по длинному коридору, но так не решилась спросить, зачем ему такой большой дом. Наконец мы остановились.

– Прошу, – он отпустил мою руку и пропустил вперед.

Я зашла в просторный кабинет. Ничего особенного, пара полок с книгами, стол, два кресла, мини-бар.

– Может, кофе? – спросил он.

– Не откажусь, – ответила я, но голос пропал, поэтому получилось слишком тихо. Вдобавок я слегка кивнула.

Мы снова оказались друг напротив друга. Он вновь, с явным любопытством, рассматривал меня, забыв обо всем, ничего не говоря. Я тоже рассматривала его лицо. Я видела много красивых лиц, в разных странах и городах, но они быстро забывались, будто в них не было ничего такого, за что можно было уцепиться, запомнить навсегда. В его лице я видела что-то необычное, но не могла понять, что это именно: удивительно красивое, с проникновенным взглядом, правильными чертами. Он слегка приоткрыл рот, обнажив ровные клыки, замер на мгновение и улыбнулся.

– Я долго Вас ждал, – наконец сказал он.

Но я даже не пошевелилась, лишь, удивленно вытаращив глаза, встретила с ним взглядом.

– Ждали меня? Для чего? – внутренне почему-то я доверяла ему, ни капли не боясь его.

Он продолжал улыбаться.

– Вас, наверное, мучает вопрос, для чего все это? Объяв-

ление, поиски собеседника, – спросил он.

– Очень. Думаю, у Вас не должно быть проблем в общении. Возможно, Вы писатель, и Вам нужны истории простых людей.

– Разумный вариант, но нет. Вообще-то, я профессор математики. Мне действительно нужен собеседник, а вы тут не из-за денег, он вам тоже нужен.

Я молчала, и он после короткой паузы продолжил.

– Вы были правы, когда сказали, что я не страдаю от нехватки общения. У меня действительно много знакомых, я часто окружен людьми, но я не могу с ними говорить, разговаривать – да, но говорить – нет. Я устал обсуждать с ними всякие общепринятые темы: политика, погода, сплетни. Мне нужна душа. Я ношу в себе тайну, которая пожирает меня уже долгие годы, но я не могу доверить им ее. И вы не скоро узнаете ее. Но я должен рассказать ее, я не могу больше. Поэтому я решил дать объявление. Люди приходили, сразу спрашивали, сколько плачу, что слушать, говорить. Глупо, ведь я хотел купить искренность за деньги – то, что невозможно купить. Но тут появились Вы, – он замолчал. – Вы ведь придете еще? – с надеждой спросил он.

Я не раздумывала ни секунды.

– Да, я приду завтра, – ответила я.

Он облегченно вздохнул и, хлопнув себя по лбу, громко рассмеялся.

– Представляете, я забыл даже представиться – и снова

громко рассмеялся. – Николай, но все зовут меня Ник. Простите. Можно на ты?

– Да, а меня все зовут Эни, – я протянула ему руку.

Он улыбался. Сегодня произошло что-то особенное, я ощущала это. Но к чему все это может привести, я не знала. Я не могла даже представить, что кто-то когда-то скажет, что ждал меня, что для кого-то я могу стать надеждой. Смогу ли я сделать что-то для него, оправдать его надежды? Но я была настоящей, такой, как учил меня отец.

– До завтра, Эни, – сказал он, выдернув меня из мыслей.

– Да, Ник, я буду.

Глава 3

– Закрой глаза, – тихо сказал он.

Я повиновалась. Он взял меня за руку, и мы медленно пошли по коридору. Я ощущала, как он сжимает мою руку, прощупывает ее. Мы остановились.

– Осторожно, порог, – сказал он.

Я перешагнула его и оказалась в комнате. Не открывая глаз, я ощутила свет. Пахло свежестью, только недавно выпитым кофе и книгами.

– Можно открыть? – я умираю от любопытства.

Он разжал мою руку и отступил немного назад.

– Открывай, – разрешил он.

Передо мной открылась большая светлая комната, стеллажи с книгами расставлены по всему периметру, высота их была до самого потолка, в центре стоял небольшой столик, два кресла, около огромного окна было много цветов, от них и исходил свежий аромат. Я прошла дальше, к столику, по стене были развешаны картины знаменитых художников, виниловый проигрыватель и стеллаж, заполненный пластинками. Я не могла поверить своим глазам. Для меня перестало существовать остальное пространство дома, будто была только эта комната и больше ничего. Я даже забыла про Ника.

– Тебе нравится? – спросил он.

– Нравится? Ты издеваешься? Боже, сколько же здесь книг и пластинок?

– Не знаю, тысяча, две, может, больше, – ответил он. – Я собирал их всю жизнь.

Он пригласил меня присесть, а сам отправился наливать кофе. Вскоре он явился с подносом. Лишь аромат свежего хлеба и кофе заставил меня отвести взгляд от книг.

– Может, выберешь музыку? – предложил он.

Я держала в руках пластинку Майлза Дэвиса 1969 года *In a silent way*. Джейн особенно любила этот альбом.

– Хороший выбор, поставим ее? – спросил Ник.

– Да, поставим, – ответила я.

Это ужасное чувство, когда случайно берешь что-то, что когда-то было дорого вам обоим. Только сейчас ты один, вас уже нет. А от бездушного предмета замирает сердце. Ты словно чувствуешь, что тебя чего-то лишили, что-то забрали с собой.

– С тобой все хорошо? – на меня обеспокоенно смотрел Ник.

– Да, просто моя няня очень любила этот альбом. А сейчас я не знаю, где она, – ответила я.

Он призадумался.

– Мы можем ее найти?

– Не знаю, она уехала, когда я была на учебе в Риме, два года назад, не оставив адреса. Я ждала, не верила, но выходит, что она просто оставила меня.

Ник крепко обнял меня.

– Мне кажется, вы еще встретитесь. Раз ты так привязана к ней, значит, она и вправду любила тебя. А сейчас мы выпьем кофе, да?

Я обожала кофе, только сваренный, ароматный. Я сделала глоток, тяжесть с души понемногу уходила, еще один глоток, я спокойна.

– Знаешь, мне кажется, что в такие моменты жизнь прекрасна, – наконец сказала я.

– Тогда предлагаю всегда вместе пить кофе, – сказав это,

он глубоко задумался. – Как жаль, что на протяжении всей своей жизни мы собираем свое счастье по клочкам, не можем ощущать его постоянно.

– А что делает тебя хоть немного счастливым? – спросила я.

– Хм... мои крупницы счастья – хорошее вино, кофе, книги, музыка, моя библиотека и... – он задумался. – И все.

– Всё? А как же любовь, дружба, искренние объятия, поцелуи, честные слова, новые города, ночи, море, прикосновения? – я сделала короткую паузу. – Но порой их так мало, что счастье заключается лишь в предметах. Книги, музыка, искусство, в которых еще есть искренность.

Он молчал несколько минут.

– От всего устаешь, Эни. Ты успела узнать себя?

– Нет, я не знаю, кто я. А ты?

– Не буду лгать. Я до сих пор не знаю, кто я такой.

Мы оба молчали. Я теряла его, он медленно пил кофе и все глубже уходил в свои мысли. Мне нужно было что-то спросить, вернуть его ко мне, сюда.

– А чем ты вообще занимаешься? – задала я самый банальный вопрос.

Он удивленно посмотрел на меня.

– Профессор, математик. Я вчера говорил тебе – будто на автомате ответил он.

– Хм... я думала, математики не любят литературу и живопись. И не разводят цветы, – улыбаясь, сказала я.

Прежний Ник вернулся.

– Просто математика мне легко дается, вот и все. Разве художник не может восхищаться фотографией, а писатель фильмом? Я всегда смотрел на мир под разными углами, изучал его, искал ответы на все вопросы. Ты для меня пока еще загадка, а я для тебя. Поэтому мы так внимательно изучаем друг друга. Ведь так?

– Вот ты, Ник, точно загадка, а я...

В дверь постучали, я так и не закончила фразу... Время обедать.

«Черт, обед, я должна быть дома».

Я бежала со всех ног домой, я должна была присутствовать на этом обеде, я обещала матери, я не хотела снова ругаться с ней. Мысленно я всегда боялась обидеть, подвести ее. Я забежала в дом, у меня оставалось совсем немного времени, в гостиной ее не было, на втором этаже тоже. Но мой план быстро собраться, и спуститься как ни в чем не бывало сразу провалился, когда я оказалась в своей комнате. Эллен сидела за столом и ждала меня.

– Ты забыла про обед, – сказала она, даже не глядя на меня.

– Да, прости, я обещаю собраться за пару минут, – ответила я.

– И какая ты явишься, вся растрепанная и запыхавшаяся. Как ты можешь стать приличной ячейкой общества, когда ты даже не можешь выглядеть подобающе? Ты как твой отец.

Я бросила все попытки угодить ей.

– Неужели он плохой пример, он любил людей, был настоящим и честным человеком.

Она громко засмеялась.

– Он ценил людей, – продолжила я, – жалел их, помогал, а что любишь ты? Деньги, чье-то восхищение и только.

Она резко вскочила со стула, замахнулась. Ее красивое спокойное лицо вмиг изменилось.

– Мама, я не тот аксессуар, который подходит к твоему образу, – устало сказала я. – Прости.

Она замерла с поднятой для удара рукой.

– Уходи из моего дома, – прежним тоном проговорила она через некоторое время, но в ее взгляде я видела пылающий гнев.

Она прошла мимо меня к выходу, унося с собой свою разбитую мечту – создать меня по своему подобию, свою копию. Я была другой, я не жертвовала собой, как она когда-то, ради своей матери.

Я тяжело опустилась на стул, внутри лишь пустота, безысходность: это конец.

Позади тихо отворилась дверь, я даже не обернулась.

– Эни, – прошептала Мэри, – я все слышала, ты уходишь?

– Да, прости, я не могу здесь больше оставаться, – медленно повернувшись, ответила я.

Она стояла потерянная, теребя в руках конверт.

– Я боялась ее, я думала, вы все-таки сможете помириться,

она запретила говорить, но вот, – она протянула мне его.

«Эни от Джейн»

Я знала, Джейн не могла просто так уйти.

– Спасибо, Мэри, ты очень храбрая, – я крепко обняла ее.

Я быстро собрала вещи. Взяла все самое необходимое и быстро побежала вниз.

– Эни, дорогая, куда ты убегаешь? – недоуменно защелкала миссис Паркер. – О, еще и с вещами, ты переезжаешь?

Я остановилась. Позади нее стояла мать. Я даже не сразу поняла выражение ее лица. Что это было? Страх. Впервые я видела страх на ее лице. Но боялась она не моего ухода, а правды. Осуждения, рухнувшей безупречной репутации. «Хорошо, ты победила, в последний раз», – решила я.

– Мне жаль. Я еду к подруге. Мама еще не успела поделиться с вами новостью. Моя подруга хочет познакомить меня со своим братом, он приехал домой после Гарварда, только закончил его, у него большое будущее. Ведь нельзя упускать такого мужчину, – улыбнувшись, спросила я.

Она ахнула.

– Как это прекрасно, милая. Не буду тебя задерживать.

Я взглянула на мать, она одержала победу. Страх пропал, теперь она улыбалась.

– Простите еще раз, – и я вышла на улицу.

Отойдя немного от дома, я не могла больше контролировать себя, слезы текли из глаз. Я соврала, меня выгнали из собственного дома, улыбка победителя собственной ма-

тери. Я не смогла сдержать крик.

Глава 4

Письмо Джейн.

Дорогая моя девочка, прости меня, но мне пришлось уйти. Я тебя не предавала, я всегда оставалась с тобой, в твоём сердце. Мне жаль, что так вышло. Не знаю, попадет ли когда-нибудь это письмо к тебе в руки. Я оставляю его Мэри, она передаст его тебе, если с тобой произойдет что-то плохое. Конечно, я не хочу, чтобы ты оказывалась в сложной ситуации, но мне нужна уверенность, что ты не останешься одна.

Прости меня.

Ниже был указан адрес.

И тут наконец все встало на свои места. Приступ тошноты, голова закружилась, словно я только что слезла с карусели. Мама все подстроила. Она прекрасно знала, что значит для меня Джейн. Мне не хватало воздуха, я стояла, держась за фонарь, жадно хватала воздух ртом. Предательство собственной матери: все ради репутации, денег, променять мое счастье на удобство в жизни.

Я еще раз развернула письмо, она была здесь, в Лондоне, но так далеко, на самой окраине.

Я двинулась не спеша в сторону вокзала. Моросил дождь, Лондон обволакивал туман. Как я его ненавидела.

Дорога была неблизкой, вагон почти пустой, я присела

у окна. Я вся промокла от дождя. Но тут страх сковал меня: а если Джейн там больше нет, если она давно уехала и я больше никогда не найду ее? И чем дальше вез меня поезд, тем мрачнее становились пейзажи, хуже дома, люди беднее, даже небо черней. Я не заметила, как передо мной появилась девушка, она села напротив и уставилась в окно. Я увидела только ее отражение и повернулась к ней. Но ей было все равно. Совсем молодая, очень плохо одета, но красива. Я продолжала рассматривать ее, но она будто не замечала этого. В ее глазах я видела пустоту, в них совсем ничего не было, лучше бы в них была боль, но только не пустота. Если бы я знала тогда, куда она едет и зачем, если бы я заговорила с ней, попыталась бы узнать что с ней, но я молчала, видела всю эту пустоту, но ничего не сделала. После я буду с дрожащими руками читать новость на последней странице газеты: «Молодая девушка попала под товарный поезд, личность пока не установлена». Порой нам свыше дается человек, мы ли будем просить его о помощи либо он нас, неизвестно. Тогда я должна была что-то сделать, я была ее спасителем, но я дала ей умереть.

Объявили мою станцию, и я, немного замявшись, встала. Перед тем как двинуться к выходу, я еще раз пристально посмотрела на нее, она повернулась ко мне, посмотрела своим пустым взглядом и тут же отвернулась.

Темнело. Я проводила взглядом уходящий поезд. Что дальше? Я снова достала письмо, от станции до ее дома оста-

валось немного пройти вправо, потом вглубь. Вроде все легко, но вскоре я поняла, что заблудилась. Страшно, холодно, у меня начиналась паника, я боялась провести тут ночь, так и не найдя ее дом. Я прошла немного прямо, одинаковые дома, когда-то давно были покрашены белой краской, но сейчас они стояли побитые временем, забытые своими хозяевами, грязно, фонари горели через один. Я остановилась. «Боже, помоги, прошу, помоги ее найти, мне так страшно». И вдруг я услышала звон разбитой банки. Джейн выронила банку с молоком.

Я так и осталась стоять на месте, заливаясь слезами. Она, не замечая разбитой банки, подбежала ко мне, крепко обняла, прижала к себе. Я снова почувствовала себя маленькой, когда вот так бежала к ней, заливаясь слезами.

– Ну-ну, не плачь, что случилось, Эни?

– Ты так поседела, – лишь смогла ответить я.

Мы не спеша шли к ее дому. Дом был совсем старый, белая краска в некоторых местах облупилась, некоторые ставни висели на одном гвозде. Это, наверное, был самый нищий квартал Лондона, самая его окраина. Район, где умирают все надежды и мечты, где царит нищета и страх. Вот и Джейн, словно отработанный продукт, находилась тут. Никому не нужная, всеми забытая.

Мы зашли внутрь. Старая мебель, пожелтевшие обои, но я почувствовала в этом доме тепло, душу. Было тепло, стоял аромат кофе и играл ее любимый джаз.

Порой мы не можем оправдать надежд наших родителей да и своих тоже. Больно признать, что и они, и мы сами проиграли. Когда наши мечты кажутся глупыми даже уже и самим себе. Я сплошное разочарование, даже сама себе я казалась настолько пустой, не нужной никому: ни миру, ни самой себе. Но сейчас на меня смотрела обеспокоенная Джейн, она все понимает, она принимает меня такой, со всеми моими ошибками.

– Ты голодна? – тихо спрашивает она.

– Очень, – отвечаю я.

Джейн быстро убегает на кухню готовить мне ужин. Меня всегда поражала в ней эта черта: что бы ни случилось, она всегда заботилась обо мне, сыта ли я, тепло ли мне. Обычная забота, мирская, материнская, что так незнакома мне. Я остаюсь одна в гостиной. Рассматриваю фотографии на стене. Черно-белое фото, семейная фотография: муж, маленький сынишка. Рядом мое фото, уже цветное, я совсем маленькая, держу в руках алую розу, широко улыбаюсь в кадр. Далее много моих фото, но ни одной семейной.

Помню, как к нам в дом явилась полиция. Помню тихий шепот полицейского и крик Джейн. Потом она пропала на неделю. Отец объяснил мне, что Джейн уехала проводить свою семью. Она вернулась такая же, мне казалось, ничего не изменилось. Но в тот день она потеряла все, осталась только я. Огонь, пожар в доме, взорвался баллон с газом. Почему Джейн, почему она? Почему судьба выбрала именно ее? Я

так не могла понять, как можно забрать у человека последнее, сына и мужа? Но ни судьба, ни огонь не задумываются над этим. Они просто забирают и все.

Каждый год, в день рождения ее сына, мы покупали несколько воздушных шаров и запускали их в небо, я ни разу не видела ее слез. Только крик, звериный, чудовищный, останется в моей памяти навсегда.

Своего ребенка невозможно забыть или тем более заметить, но она всегда считала меня своей. Она всегда была для меня матерью. Только сейчас я начала понимать, почему мать отправила ее подальше от меня. Я любила Джейн больше, чем ее, она воспитала меня, она заменила мне ее. Но я не имела права судить ее за это. Она сама сделала свой выбор. Она отреклась от меня тогда, она столько раз теряла меня, и все разы я сама находила ее, но сейчас... всему когда-то приходит конец.

Глава 5

Я не могла заснуть. Воспоминания, мысли пожирали меня изнутри. Я совсем маленькая, мастерю открытку маме, у меня не слишком хорошо выходит, но я стараюсь. Криво пишу: «Я люблю тебя». Я еще люблю ее, я еще пытаюсь заслужить ее. Она берет ее в руки, внимательно рассматривает, возвращает обратно.

«Могла бы сделать и поаккуратнее».

Помню, как забрала ее обратно, как сломалось что-то внутри, как слезы обиды наворачивались на глаза.

Она ушла. А я так и стояла, комкая свою открытку, пока не пришла Джейн.

– Можно я оставлю ее себе? – спрашивает она.

– Я не старалась, – отвечаю, а слезы так и текут не переставая.

Но Джейн осторожно забирает ее, распрямляет и прижимает к себе.

– Не всегда любовь требует красоты, Эни. Запомни это на всю жизнь.

Я запомнила.

Интересно, хранит ли Джейн ту открытку?

Наконец я провалилась в сон.

Я спала слишком долго, проснувшись только к обеду от чудного аромата блинчиков, которые испекла Джейн.

– Доброе утро, соня! – радостно сказала она.

– Доброе! – я нежно чмокнула ее в щеку.

– Кушай, а я схожу за продуктами.

Я глотнула кофе, скушала пару блинчиков. Я возвращаюсь к жизни. И тут мне в голову пришла мысль, мне так хотелось порадовать ее чем-то. Она всю жизнь посвятила мне, без выходных и отпуска. А я так ничем и не отплатила ей. Ник – Боже! Я совсем забыла про него. Я быстро набрала его номер.

– Алло. Генри. Слушаю Вас, – ответил дворецкий.

– Привет. Это Эни, позовете Ника, – весело сказала я.

– Мисс Келли, доброе утро, минуточку, – ответил он.

– Привет! – послышался веселый голос Ника. – Как ты?

Где ты?

– Это очень долгая история. Но я нашла Джейн, сейчас я у нее.

Тишина.

– Ник? Ты здесь?

– Да, да. Ты хоть в Лондоне? – неуверенно спрашивает он.

Я чувствую его страх и неуверенность.

– Да, только на окраине. Все хорошо. Только давай нашу встречу перенесем на завтра? Сегодня у меня появилась одна мысль. Я хочу порадовать ее, купить платье, сводить в ресторан. Как тебе?

– Изумительно. Мы встретимся завтра? – тихо спрашивает он.

– Конечно. Жди меня на обед. Я обещаю, я буду.

– Я буду ждать, – он кладет трубку.

Как только я повесила трубку, на пороге появилась Джейн. Я улыбалась.

– Что такое?

– Собирайся, мы идем в ресторан.

Но улыбка сходит с ее лица.

– Эни, но у меня нет столько денег, – опустив глаза, отвечает она.

– И что? У меня-то есть. Покажи мне свое лучшее платье, – настаиваю я.

Она стояла в замешательстве, я понимала, что ей сложно решиться, принять это. Она не привыкла к такому, не привыкла получать подарки, тратить много денег. Она умеет только отдавать.

– Джейн, прошу, прими мое приглашение, – умоляла я.

В конце концов она согласилась.

– Я надену свое лучшее платье и спущусь сюда, – и она поспешно побежала на второй этаж.

Она стояла передо мной в старомодном платье, оно было явно ей не по фигуре. И тут до меня дошло, как я могла раньше этого не замечать, я не видела ее бедность. Я не могла додуматься до того, чтобы обеспечить человека, который вырастил меня, который любит меня всем сердцем.

– Прости, прости меня, Джейн, я так была занята собой, своими проблемами, мечтами, что не видела очевидного, я

только брала и брала, а что я дала тебе? Ничего, – слезы душили меня.

– Эни, боже, что с тобой. Это ты из-за платья, не думай о нем, ты дала мне больше, чем ты думаешь. Просто ты пока не понимаешь этого.

– Что я дала тебе? – не успокаивалась я.

– Смысл жить дальше, а это важнее тысячи самых дорогих платьев, – ответила она.

Я перестала плакать и недоуменно смотрела на нее.

– Эни, я потеряла всю семью. Я потеряла любимого мужчину, любящего и верного мужа. Я потеряла своего ребенка, моего чудного мальчишку. В один миг я потеряла смысл жить дальше. И если бы не ты, я не смогла бы собраться. Ты дарила мне любовь, ты позволила мне любить себя. Разве ты не дала мне ничего?

Это и есть настоящая жизнь – правда и любовь, искренние эмоции. Тогда ты способен понять, что для кого-то ты нужен, без лжи и лицемерия, ты нужен любой.

– Джейн, тогда еще раз прости меня.

– Я прощаю тебя, – тихо ответила она.

Мы стояли обнявшись, наконец понятые друг другом.

– Джейн, – тихо позвала я ее, – разреши мне купить тебе новое платье?

Она засмеялась.

– Хорошо, я разрешаю тебе, – ответила она.

Глава 6

Мы поехали в самый центр Лондона. Джейн было немного не по себе, она украдкой рассматривала женщин в дорогих нарядах, красивых мужчин. Мы зашли в самый дорогой магазин. Я позвала продавца.

– Мне нужно самое шикарное платье вот для той женщины, только не говорите ей о цене.

Пока Джейн примеряла платье, я рассматривала людей через витрину. И тут я увидела ее, свою мать, она шла с мисс Паркер. Я пыталась рассмотреть ее лицо – красивое, гордое, с расчетливым взглядом. Я тяжело сглотнула. Неужели я больше не существую для нее, неужели она не понимает, какую боль причинила мне, что она всегда ее причиняла? Они давно уже скрылись за углом, а я так и продолжала смотреть в пустое место.

– Эни, – тихо послышалось за спиной.

Я повернулась. Она выглядела великолепно. Встав перед зеркалом, она замерла, рассматривая себя. Ей подобрали черное вечернее платье, с золотым поясом и длинными рукавами. Она светилась от счастья.

– Тебе нравится? – спросила я.

– Ты шутишь? Я даже представить себя не могла в таком платье. Я самая красивая здесь, – закончила Джейн.

Люди вокруг недоуменно смотрели на нас. Но нам было

все равно. Порой реакция одного человека значит больше, чем мнение других. Для них это обычное дело – потратить столько на одно платье, но для нее это было настоящее счастье. Хотя, зная Джейн, если бы я отвела ее в самый дешевый магазин Лондона, купила бы самое дешевое платье, реакция была бы той же.

– Эни, оно, наверное, стоит целое состояние? – шепнула она мне на ухо.

– Нет, оно совсем не дорогое, – ответила я.

– Вот что ты не умеешь делать, так это врать. Давай я его просто сниму, – заворчала она.

– Окей. Мы берем его! – крикнула я продавцу.

Близился закат, центр города постепенно наполнялся людьми, несмотря на холод. Рестораны и кафешки были переполнены, люди отдыхали, веселились. А художники и уличные музыканты старательно пытались заработать, дрожа от холода, но при этом добродушно улыбаясь. Мы присели на лавочку, горячий кофе немного спасал от холода, и я не хотела упускать это мгновение счастья. Я лениво рассматривала проходящих мимо людей. Много огней, шума, и Джейн рядом. Так спокойно.

Недалеко от нас остановился совсем молодой парень – музыкант. Он осмотрел все вокруг, оценив место, и не спеша достал гитару. Он был похож на бродягу: изношенная одежда, рядом огромный рюкзак, но гитара явно была не из дешевых. Что-то в нем притягивало, тянуло остановить на нем

свой взгляд. Я внимательно следила за каждым его движением, он выпрямился, убрал волосы с лица, одарив меня быстрым взглядом, перевел его на Джейн. Но она, видимо, не замечала его, смотря куда-то в сторону, о чем-то задумавшись. Его беззаботное лицо вдруг стало другим, он открыл было рот, но ничего не произнес, будто ожидая, что она обратит на него внимание. Меня это завораживало и пугало, я не могла объяснить столько пристального внимания к Джейн.

Музыкант легонько провел пальцами по струнам, звук был безупречным.

– Свою первую песню я посвящаю Вам, – громко сказал он.

У него был красивый сильный голос, он играл джазовые композиции. Прохожие задерживались, желая послушать неизвестного музыканта. Я повернулась к Джейн, но она уже была полностью погружена в его музыку. Она растворялась в ней, закрыв глаза, тихонько качала головой в такт. А парень продолжал собирать толпу, творилось что-то необычное, необъяснимое. Все слушали, погружались глубоко в себя, всматриваясь прямо в свою душу. А что там? Там не может быть пусто, она наполнена чем-то, и где-то очень глубоко запрятана она – любовь. Только любовь и больше ничего. Сейчас люди видели ее, ощущали ее тепло, благодаря лишь музыке. В умелых руках все превращается в любовь.

Вдруг Джейн тихонько заговорила.

– Я приехала в Лондон из Америки, совсем еще девоч-

кой. После шумной Америки, со всеми ее амбициями, я нашла себя здесь. Хотя здесь почти не было ничего близкого мне. После всей суматохи, шума я наслаждалась туманностью и загадочностью медленного, размеренного Лондона. Я не думала о замужестве, не строила больших надежд на будущее. Я афроамериканка, из большой бедной семьи. Без достойного образования и денег. Понимаешь, люди тогда с опаской относились к таким, как я. Полиция считала нас агрессивно настроенными, а мы просто хотели жить, иметь права, как и все люди, – она сделала долгую паузу. – Бэна я встретила в джаз-баре. Тогда я лишь подумала: «Классно он играет джаз».

– Ты раньше мне не рассказывала этого, – начала я.

– Каждая история должна быть рассказана вовремя, в нужный момент, – лишь ответила она. – В баре было почти пусто, всего несколько человек пили виски, курили. В душном темном помещении было тяжело находиться, но я не смогла уйти, как только услышала его. Он пел как Бог, не видя никого, для себя, молодой чернокожий парень. Тогда мы и познакомились.

– И ты влюбилась в него с первого взгляда?

Она широко улыбнулась. Музыкант тем временем продолжал петь, собирая все большую толпу. Я уже не могла его видеть, только слышать, люди сохраняли тишину, мне казалось, каждый боялся издать даже малейший звук, боясь спугнуть музыканта или себя настоящего.

– Любовь с первого взгляда – это обман. Влюбились либо твои глаза, либо уши. Да, я была поражена его голосом, но только через время, узнав его, я поняла, что люблю, – она говорила с короткими паузами, будто вспоминая. – За год я ни разу не обняла его, не поцеловала, даже не взяла за руку. Но он был всегда рядом, даже после тяжелой смены он шел ко мне, провожал меня до дома. Боялся за меня. Джаз, блюз – то, что осталось после него, живо во мне до сих пор. Это наша музыка.

Она вытянула шею, пытаясь увидеть музыканта.

– Видишь, как она действует на нас. Это лишь молодой бедный парнишка с гитарой, которой живет одной музыкой. А кто все эти люди, из каких они стран, какого положения? Музыка объединила всех.

– Джейн, как ты поняла, что любишь его? – спросила я.

Она тихонько рассмеялась.

– Как и все остальные женщины. Просто представила его с другой. Тот момент, когда он скажет, что встретил девушку, когда я отойду на второй план. И не будет больше нас, наших разговоров, музыки, когда он больше не будет приходить, бояться за меня. Я помню, как сердце упало куда-то вниз, я ощутила настоящий страх. Страх потери, отдать его кому-то, другой, неизвестной мне. В тот вечер я наконец поняла, он мужчина, любимый мною, он тот, от которого я захочу детей, тот, которого я буду оберегать всю жизнь, – она снова замолчала, но уже надолго, – но не смогла сохранить.

– Джейн, тут нет твоей вины, – попыталась я утешить ее.

– Я понимаю, что нет, – тихо ответила она, отвернувшись от меня.

Я ждала, что она еще что-то скажет, но она молчала, бессмысленно смотря в толпу, которая даже не думала расходиться.

– Кем бы мог стать мой сын? – тихо спросила она, будто саму себя. – Он любил петь, любил музыку. Веселый был мальчик, очень смысленный.

Нет, она не плакала, она как-то очарованно улыбалась, будто видела его сейчас, перед собой, будто слышала его голос.

Музыкант закончил играть, наступила полная тишина. И люди постепенно начали расходиться. Сквозь толпу я пыталась найти его, но не смогла. Я слышала обрывки фраз людей, они говорили о нем, о своем восхищении. Рядом с нами присела пожилая женщина, она была одна.

– Как хорошо он играл, вам понравилось? – дружелюбно спросила она.

– Да, – ответила я. – Вы часто тут бываете?

– Я живу неподалеку, поэтому частенько прохожу мимо, а в хорошую погоду сижу здесь или вон в том кафе неподалеку. Там прекрасный чай, советую попробовать, – ответила она.

На вид ей было около 60 лет, стройная, с прямой осанкой, одета дорого, но старомодно. Из-под вязанной шапки выби-

лась пара прядей седых волос. Некогда красивое лицо почти потеряло свой блеск, утонченность, и в ее голубых добрых глазах я видела бесконечное одиночество.

– Но такое я вижу впервые, – продолжила она.

– Такое? – не поняла я.

– Да, он пел целый час, одет как бродяга, но ни взял ни гроша. А ушел так же тихо, как и появился. Удивительно, что еще есть хоть кто-то, кто готов делать что-то бесплатно для людей, – она добродушно улыбнулась.

И вдруг я услышала громкие всхлипы Джейн.

Глава 7

Я сидела одна в парке, ждала его, до встречи оставался еще целый час, тогда мне хотелось побыть одной. Конец марта, скоро совсем тепло. Помню, как в детстве ждала лета, как ненавидела после осень. Но в этом году я мечтала о начале осени. Уюте, теплом пальто, желтой листве, горячем чае. Мне не хватало именно уюта и тепла, хоть и Джейн делала все возможное для этого.

В этом тихом, почти безлюдном парке я задумалась о любви и дружбе. Моя верность и их предательство. Подул холодный ветер, я больше укуталась в пальто, кофе в стаканчике почти остыл, я тяжело вздохнула.

Я вспомнила Рим. А вместе с ним и Александра. Лето, живой город, наполненный шумом, ароматом теста и кофе, красное вино.

Я зажмурилась, выкинула стакан с кофе, он больше не грел меня. В Риме все было по-другому, точнее, мне так ощущалось, пока я была с ним. Молодой талантливый художник, романтик, мечтатель. В нем не было ничего реального, настоящего. Лишь мечты, вымышленный образ. Я давно заметила его на кафедре, но сторонилась его, не уверенная в себе, в нем.

– Ты хоть знаешь, что у тебя удивительно красивое лицо? – однажды спросил он.

Я растерянно смотрела не него, смущенная тем, что он сказал.

– Ты только глянь, – сказал он улыбаясь, оставив передо мной альбом с рисунками.

И не спеша ушел, оставив меня наедине со своими портретами.

«Я взял карандаш, одна линия, вторая, появляется очертание лица, глаза, нос, губы, я, словно сам Господь Бог, создаю нового человека, я решаю, как она будет выглядеть, каков будет ее взгляд, какими будут ее губы и черты лица, я творец, – говорил он, держа в руке бокал красного вина. – Жаль только, что я не мог дать ей жизнь».

Тогда я доверилась ему не задумываясь, не сомневаясь ни разу, я просто любила его. Вечера у него на чердаке, разговоры, объятия. Сколько часов мы провели так вместе, сколько потерянных часов!

Я вставала рано, выходила на балкон, наслаждаясь величием и пустотой города. «Утро только мое», – всегда я хранила для себя лишь раннее утро. Я любила лето, этот город, его.

И вот осень, похолодало, не только на улице, но и в нашей квартире тоже. Закончился кофе, истории, моменты, мы устали друг от друга. И мы не умели жить обычной семейной жизнью. Я отпустила его. Но почему же сейчас я так люблю

осень?

– Ты часто его вспоминаешь? – тихо спросил кто-то.

Я резко обернулась: рядом со мной сидел Ник, вопросительно смотря на меня, держал в руках два стакана с кофе.

– Замерзла? Ты слишком напряглась и слишком далеко ушла куда-то в себя. О чем ты думала? – не отставал он.

– Да, о нем, о Риме, – ответила я.

– Так почему вы расстались?

Я ответила не сразу. Чуть помедлив, я тихо произнесла:

– У нас закончился кофе.

Он отвернулся, смотря прямо перед собой, легкая улыбка.

– Пей кофе, а то остынет, – лишь сказал он. – И пойдем.

– Куда? – слишком резко вышло.

Он недоуменно смотрел на меня.

– Мы просто пойдем в кафе. И еще я кое о чем подумал, у меня есть предложение.

– Предложение?

– Да. Давай сегодня будем обычными счастливыми людьми.

– А разве такое может быть с нами?

– Хм... возможно, если долго притворяться, то получится, – серьезно ответил он.

– А зачем нам притворяться, верить в то, чего нет?

Я остановилась, он прошел немного вперед.

– А знаешь, ты права, – повернувшись, сказал он. – Зачем притворяться? Я просто попытаюсь сделать тебя... нет,

нас... нас счастливыми. Ты согласна?

В кофейне было уютно, стоял приятный кофейный аромат. Мы присели за маленький столик у окна. Ник помог мне снять пальто, усадил за стол. Вскоре нам принесли два чашки шоколада и свежую выпечку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.